

Безродная Надежда

Сборник рассказов

"Женские слёзы"

16+

Надежда Безродная
Сборник рассказов
«Женские слёзы»

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Безродная Н. Ф.

Сборник рассказов «Женские слёзы» / Н. Ф. Безродная —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Сложившаяся в мире ситуация с коронавирусом лишь раз заставила меня задуматься о сложности и непредсказуемости жизни, заставив собрать воедино как недавно написанные, так и первые рассказы в сборнике «Женские слёзы».

1. «Счастье, которого не случилось!»

И что люблю тебя и ненавижу,

Но я тобой дышу...

гр. Неангелы «Я напишу красивый роман»

Анна Тимофеевна, как обычно, рано поднялась с постели и занялась привычными делами. Приготовила незатейливый завтрак: для себя одной стоит ли особенно стараться? Анна была не слишком привередливой в еде. Кулинария явно не являлась её излюбленным увлечением.

Пока простая яичница тихонько «шумела» на такой же обычной сковородке, женщина прошла в спальню и достала с полки автоматический тонометр. Настало время приступить к повседневному ритуалу: измерению давления. В этот раз оно оказалось вполне нормальным, даже слишком нормальным для семидесятидевятилетней Анны.

Женщина немного посидела на старом диване, а потом тихо потянулась к телефонной трубке: настало время для короткого общения с дочерьми. Анна не любила тратить слова попусту. Поэтому дежурные телефонные разговоры были слегка суховатыми и недолгими. Да и самую главную для себя тему Анна не слишком любила обсуждать даже с дочерьми. Женщина тяжело переживала уход самих близких людей в своей жизни. В этот день Анна тихо закрыла глаза и попыталась бегло оживить в памяти события прошлого. Женщина сама не заметила, как спасающая от реальности мягкая перина воспоминаний незаметно увлекла её за собой, уменьшив тихую, но настойчивую боль в сердце...

Много лет назад, ещё в 1955 году, молоденькая восемнадцатилетняя Анна, изрядно уставшая от усердной учёбы, уже собиралась сесть в старенький, еле живой от старости автобус. Юная девушка ехала домой в деревню на выходные. Анна держала в руках большую сумку, в которой везла нехитрые гостинцы родственникам. Уже возле автобуса она услышала задорный голосок:

– Девушка, куда торопишься? Давай-ка погадаю!

Перед Анной появилась симпатичная цыганка в коротеньком полушубке, нарядном платке и длинной юбке, расшитой старомодными цветами. Смуглая незнакомка приветливо и мило улыбалась девушке. Анна машинально отстранилась от навязчивой цыганки и хотела сесть в автобус. Но неожиданная знакомая внезапно сказала:

– Не бойся, денег не возьму! Добрая я! Или свою судьбу узнать боишься?

Любопытство на секунду взяло верх над здравым смыслом. Анна ответила девушке:

– Не боюсь, гадай!

Красивая цыганка мягко взяла ладонь Анны в руку и сказала:

– Ох, смелая, значит! Только вот несчастная! Семейная жизнь тебя несладкая, горькая ждёт, но троих детей тебе Господь от доброты своей пошлёт! Вот один из них очень счастливым будет. Тяжёлую болезнь тебе преодолеть придётся, но найдётся добрый человек, силой своей подлюю хворь вылечит. После смерти мужа ты только один год проживёшь. Слишком тесно судьбы ваши горькой и долгой семейной жизнью связаны. Вот и всё. Хватит с тебя моей откровенности! Вижу, не веришь ты мне совсем! Ох, зря! Только вот не раз ещё меня вспомнишь, я-то знаю!

Анна, улыбаясь, отошла в сторону от разговорчивой гадалки. Про себя девушка думала: «Неужели находятся люди, которые верят в эти глупые гадания! Наверное, цыганка всем одно и то же говорит! Шарлатанка!»

Анна ещё не знала, что «шарлатанка» практически во всём права оказалась. И этот день она действительно вспоминала не однажды. Только вот после смерти мужа Анна прожила целых два года, а не один. Небольшая «погрешность» гадания.

С момента той встречи прошло несколько лет. Анна закончила техникум, начала работать в школе. В 23 года девушка вышла замуж. В крохотной любовной копилке Анны к тому времени было одно несбывшееся счастье. Её ровесник Иван, с которым она встречалась более двух лет, предпочёл другую. Более яркую, умеющую убедить в собственной привлекательности. Полную противоположность молчаливой Анны, которая каждое слово неизменно взвешивала на смысл на невидимых весах здравого смысла.

К слову, доучиться женщина так и не успела. Трудилась с неоконченным высшим образованием. В те времена многие так поступали. О важности высшего образования ведь мало кто задумывался. Сначала работа в начальной школе отнимала много сил, потом появилась первая дочь, Аллочка.

Муж Анны, Николай, был более чем равнодушен к выпивке и соответствующему кругу женщин, с которыми порой приятно проводил время. Женщина терпела, всё прощая. Но однажды её терпение лопнуло. Анна собрала вещи, взяла дочку и хотела уйти от мужа: «купить билет в новое завтра». Но расставание с женой в планы Николая явно не входило. Он стал слёзно уговаривать Анну:

– Нюрочка, родная, не уходи! Прости меня, дурака! Честно пить брошу... Жизнь у нас с тобой совсем другая пойдёт! Ну, прости...

Анна простила. Любила она его. Тут уж почти без вариантов. Анна ни дня не могла прожить без мужа, слилась с ним, как горькая улыбка с тихо скривившимися в безысходной усмешке губами. Но, как не трудно понять, обещание Николай держал недолго. Вскоре маняще-сладкая бутылочка опять весело завертелась в его руках.

Семейная «идиллия» потекла дальше. Спустя время Анна родила ещё двоих детей: дочку и сына. Мальчик рос тихим, скромным, с сестрами мирно возился на кухне с малых лет. Анна радовалась, глядя на сынишку: «Вот вырастет Витенька, человеком станет. Будет у меня радость в жизни! Такой славный мальчик... А главное, совсем на отца не похож...»

Поначалу Анна не теряла надежды доучиться. Но первая же сессия стала последней. Николай был жутко недоволен, что заботы по хозяйству временно «перекочевали» на его плечи. Страшно недовольный, трезвый, он со старшей Галей попытался вести домашнее хозяйство. С уходом за курами и свиньями муженек с лёгкостью справился. А вот дойка коровы превратилась в настоящее испытание. Она была явно не в восторге от такой чести. Корова вела себя просто безобразно: лягалась и пыталась больно стукнуть новоиспечённого «дояра» длинным хвостом. Собрав все известные ему маты, Николай всё-таки сумел справиться с задачей, но дальнейшей учёбе жены сказал категоричное «ни за что»!

Через год жизнь Анны стала немного легче: в доме появилась нянька для детей. Старенькая тетя Шура из деревни. Анна из жалости решила её приютить в собственном доме. Произошло это в одну из поездок к матери в деревню. В тот раз Анна решила навестить её с детьми, без Николая. Муж снова пытался приструнить собственное желание пить. Но оно,

собака, никак его не слушалось. Николай ушёл в очередной краткосрочный «рейс» по самогонному плаванию. Вместе с верной командой из двух верных собутыльников.

Поставив на пол тяжёлую сумку с гостинцами в родном с детства деревенском доме, Анны тихо заговорила:

– Я ненадолго, мам. На несколько часов. Автобусом вечерним обратно поедем. Пьёт он опять у меня...

– Сама такого красавца выбрала себе. Хорош зятёк, не похвалить, не взять за локоток! Зарплату-то отдаёт хоть или пропивает всё? Поди и бьёт по рёбрам в придачу?

– Мама, сколько вопросов! Что с тобой сегодня? Отдаёт почти всё. Только немного в заначку складывает. Да я уж и все места «захоронок» изучила его... Но много ль получает он на тракторе-то своём... А бить чтоб сильно – нет. Так пару раз пощёчин надавал. Я уж не лезу к нему, когда он не в духе.

– Ладно, дочка. Не потянешь ты троих детей одна. На твои учительские «слёзы» не обушь их, не одеть. В жизнь худо и пострашнее бывает. Вон Шурка из дома на краю деревни по соседям мыкается. Выжил, считай, её сынок родной Васька из собственной хаты. Алкаш беспросветный. Но наши деревенские ему и слово сказать боятся. Кулаки, что пудовые гири: огромные, тяжеленные. Мигом душа с родственниками на том свете о былом пообщается. Устала Шурка от пьянок его, дружков, которые на неё с кулаками кидаются. Твой-то Николай хоть и с бутылкой, как с родной тёткой, знается, но меру всё ж соблюдает. Тебя вон с детьми лютым боем не гоняет, как дружки Васькины. Да и на работе каждый день, как штык. Шуркин сынок-то только на пенсию её зарится: дармоед окаянный.

– Мам, мне вот мысль одна в голову пришла внезапно. А что если я её к себе домой нянькой возьму? Всё мне помощь с детьми будет, так ведь?

– А мужёк-то твой любимый не против будет? Угодит Шурка из огня до в полымя. От одних пьяных глаз к другим.

– Да нет, ты что! Перед другими людьми Коляка мой дурь не показывает. Не совсем ещё совесть пропил. Так, на доньшке души, осталось её ещё довольно много. На одну жизнь точно хватит. Слабохарактерный он, поэтому и с выпивкой расстаться не может.

– Ладно, что даром гадать. Пусть Шурка сама решает, как быть. У чужих людей тоже, поди, хлеб несладкой тугой ватой кажется. Вроде и не горек он, да вкуса никакого не чувствуешь. Жаловалась она мне вчерась, что устала приживалкой по людям мыкаться. Может, и пойдёт к тебе в няньки. Так она бодрая ещё, крепкая, а своих внучат Бог всё равно не дал. Санька её всё на свете на бутылку самогонки ещё в 20 лет обменял. Весь в папашку своего. Вылитый портрет его, самогонкой нарисованный!

Анна вместе с матерью пошла к тете Шура. Дети в этот момент ненадолго остались одни: они втроем играли в одну взятую из дома куклу Полину с чёрными бровями и белоснежными, как снег, волосами.

Шурка, сухонькая, жилистая старушка, с извилистыми лучиками почти спрятанной от других боли в глазах, сидела возле простенького деревенского домика. Тонкое ситцевое голубое платье свободным хороводом складок суетилось возле когда-то красивой упругой груди. Натруженные за долгую жизнь руки не изменяли своей привычке и теперь. По-прежнему были в монотонном движении. Несмотря на плохое зрение, тетя Шура тихо вязала носок из разноцветной пряжи, вполголоса считая петли.

– Трудисься всё? Добрый день тебе, Шура!

– Добрый день, Евдокия! Тружусь потихоньку, пока силы есть.

– Разговор у нас вот к тебе серьёзный. К Нюрке моей нянькой пойдёшь? У них с мужем в райцентре дом отдельный на три комнаты. Угол тебе отдельный выделяют. За детишками вон приглядывать будешь. Потихоньку, по мере сил. Анька-то моя в школе работает, ты ж знаешь. Зарплата – пару раз в магазин сходить, на третий горько прослезиться... Правда, хозяйство

небольшое хоть выручает, славу Богу. А у работы её немалый плюс есть. В 2 часа дня Нюрка уж уроки все проведёт и дома: всё ж подолгу тебе с детьми не сидеть.

Тетя Шура прожила с Анной и её семьёй целых пять лет, став всем по-настоящему родной. Умерла она тихо, в больнице. Нагруженное жизненными трудностями под завязку, как бесправная лошадь тяжёлой поклажей, сердце резко дало сбой.

Анна похоронила тетю Шуру полностью на свои деньги. Поминки были тихими и скромными. Горевать о маленькой сухонькой старушке, кроме Анны и её семьи, было некому. Родной сын даже не удосужился приехать на похороны. Не до того ему было в самогонной круговерти. Мать Анны и вовсе до этих пор не дожила: двумя годами ранее с сырой землей свиделась.

После смерти тётки Шуры многое изменилось. Горькая семейная жизнь сильно выматывала нервы Анны, мало в чём находившей утешение. Несмотря на это, женщина по-прежнему была трудолюбивой, стойкой, по-деревенски крепкой. Анна все также занималась хозяйством, учила детей тонкостям чтения и письма в начальной школе. Так продолжалось до тех пор, пока однажды её организм сказал решительное «всё, хватит!» В 38 лет у женщины начались сильные головные боли. Бесконечное хождение по кабинетам врачей ничего не давало. Доктора лишь неуверенно разводили руками, при этом ловко выписывая женщине сильные таблетки, от которых ей становилось лучше лишь на время.

Анна начала терять надежду на выздоровление. Но от одной своей знакомой она случайно узнала о сильном знахаре деде Прохоре, поставившим на ноги огромное количество людей.

Тихая Анна решительно села в автобус. Она поехала на встречу с надеждой, с которой уже практически рассталась.

У самого порога скромного деревенского домика Анна столкнулась с довольно молодым мужчиной в банально сером пальто. В глазах случайного знакомого неслышно замер целый «оркестр чувств», выпущенный на свободу умелым дирижёром – надеждой. В них отражалось отброшенное за ненужностью отчаяние, уже ненужное, как неряшливая старая измятая бумажка. Главными в слаженном поющем «оркестре чувств» отныне были явное желание перемен и твёрдая вера, которую невозможно скрыть даже от случайных прохожих.

Но при одном взгляде на знахаря воодушевление Анны быстро исчезло. Напротив, ей сразу стало немного не по себе. Целитель выглядел слишком пожилым, чересчур слабым, чтобы помочь ей. Но она предпочла отогнать от себя грустные мысли. Дед Прохор же гостеприимно сказал женщине.

– Ну, здравствуй, проходи! В ногах правды нет! Что у тебя приключилось?

Анна медленно прошла в довольно просторную комнату, на стенах которых в молчаливой покорности застыли иконы. Уютное жилище старого знахаря встретило женщину ароматом недавно собранных на лугу трав, приятным послевкусием надежды.

Ничего не утаивая, Анна рассказала проницательному целителю о мучивших её головных болях. Спустя непродолжительное время дед Прохор уверенно положил руку ей на плечо. Старик словно сумел небрежно отбросить в сторону пухлый ворох ранее прожитых лет. Он как

будто на миг взял у молодости займы пару десятков лет. Лицо деда Прохора в одно мгновение озарилось какой-то особой внутренней энергетикой. Старик неторопливо сказал:

– Ты, Анна, во мне не сомневайся! Тебя я на ноги поставлю, вылечу! Вон видела мужчину, что только что вышел от меня? Рак у него: врачи помочь отказывались. Этот мужчина уж и не чаял до весны дожить. Ан нет – спас я его от смерти. Пришёл вот рассказать мне, что врачи в глубоком шоке от его выздоровления. А вот себя мне уж не вылечить... Рак у меня. Причём в такой стадии, что уже ничего меня не спасёт. Но я ни о чём не жалею. Стар уже: почти сто лет на этом свете живу. Недавно осознать начал, что и от жизни устать можно. Много я уже повидал, столько людей из цепких объятий смерти вытащил, что жизнь уж всякую крепость утратила для меня. Слабым вином, почти лишённым вкуса, казаться стала... Пора уж с родными своими на том свете свидеться. Мама мне часто стала сниться и братья. Ждут меня там уже, давно ждут. Но пока жив, я стараюсь людям из последних сил помочь. Ты ж молодая совсем. Тебе жить да жить ещё...

Знахарь действительно прожил недолго с момента встречи с Анной. Вскоре дошло до неё окольными путями известие о его смерти. Но, как настоящий мужчина, дед Прохор сдержал своё слово. Выполнил последний долг перед надеждой, верной своей спутницей, с которой рука об руку всю жизнь прошёл. Ведь недаром целитель обладал сильным даром гипноза, внушения. Регулярные визиты в скромный дом дела Прохора увенчались успехом. Головные боли, преследовавшие Анну, исчезли, как новогодние узоры с большого окна после шумного праздника.

Почти безрадостная семейная жизнь потекла дальше... Плавно, горько потекла. А потом практически остановилась. Выросшему сыну Анны, как и ей самой, выпала нелёгкая судьба. Но автор рассказа просит не судить его. Не стоит...

Выросший без особой отцовской заботы, Виктор был слишком мягким, сдержанным, спокойным. В его характере оказалось немало женской хозяйственности (и такой же женской терпеливости). Постоянно общение с матерью и сестрами сыграло свою роль. Виктор учился не забивать гвозди или чинить мебель под началом отца, нет. Он с увлечением принимал участие в затеянной сестрами уборке или с не меньшим воодушевлением пёк вместе с ним блины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.